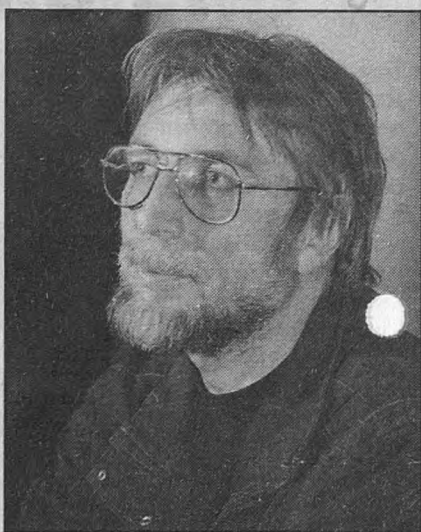

Композитор Владимир Мартынов, один из ведущих авангардистов в современной мировой музыке, и Татьяна Гринденко, руководитель камерного ансамбля «Opus Posth», получили Государственную премию России в области музыкального искусства. Наш корреспондент взял у них двойное интервью.

«ВРЕМЯ КОМПОЗИТОРОВ КОНЧИЛОСЬ»

Веч. клуб. — 2003 — 17 июля — с. 26

— Начнем, пожалуй, вот с чего: как сформулирована ваша «Государыня» в указе президента?

Татьяна ГРИНДЕНКО: Там звучит так: за создание и исполнение сочинений «Апокалипсис», «Плач пророка Иеремии», «Магнефикат», «Реквием», «Ночь в Галиции», «Упражнения и танцы Гвидо», «Игра ангелов в человеков» и «Песнь песней».

— Владимир, вы — автор четырех книг по истории музыки — пожалуй, даже нравственно — философических исследований, начиная от истории древнерусской музыки и заканчивая такими фундаментальными вещами, как поиск музыкального Пространства и Времени на фоне современного состояния развития музыки и общества. Поведайте, пожалуйста, в доступной форме о вашем понимании Времени в музыке.

Владимир МАРТЫНОВ: Скажу так — классическое понимание Времени в музыке, бетховенское, к примеру, это такое прямолинейное драматургическое движение, когда слушатель берется за волосы и тащится по той канве, которую предлагает композитор. В наших поисках мы столкнулись с разными примерами нелинейного времени — они есть в фольклоре. Там речь не о том, чтобы куда-то двигаться, но — пребывать, *пребывание во времени*. Это пребывание во времени мы нашли и в образцах богослужебного пения.

— Итак, вы обнаружили в музыке разное Время. Как же вам удалось объединить его «углубляющие» модели в рамках музыкального стиля — минимализма?

ВМ: Есть, как говорится, минимализм и минимализм. Американский минимализм Райча или Гласса — это направление в современной музыке. А есть минимализм в более широком понимании — как основа всей музыки. Тот же знаменитый распев или григорианский хорал, или архаический фольклор — это тоже минимализм.

Важно, к чему мы апеллируем, что мы выбираем за единицу повторения. В минимализме существует такой прием повторения одних и тех же фрагментов или музыкальных фраз, с их постепенным и небольшим изменением — деформацией. Чтобы было понятно, приведу стихотворный пример Льва Рубинштейна, вскрывающий устройство минималистского про-

изведения:

1. Абсолютно невозможно. 2. Никак невозможно. 3. Невозможно. 4. Может быть, когда-нибудь. 5. Когда-нибудь. 6. Потом. 7. Еще нет. 8. Не сейчас. 9. Не сейчас. 10. Возможно, скоро. 11. Пожалуй, скоро. 12. Уже скоро. 13. Действительно, скоро. 14. Вот-вот. 15. Сейчас. 16. Вот! 17. Вот и всё. 18. Всё.

И строчки эти или музыкальные фразы можно повторять сколько угодно долго, в музыке эти единицы повторения называются «паттернами», то есть «образцами».

— Я слушала ваши «Времена года», мировую премьеру в Зале Чайковского. Вы повторяли там, если не ошибаюсь, фразы Вивальди, Чайковского, Пярта...

ВМ: Да, у меня это всегда большие, узнаваемые музыкальные куски. У американцев — маленькие мелодические фигуры, паттерны, а у меня же могут быть целые композиторские направления, например, романтическое — Шуман, скажем, как в «Народном танце» для фортепьяно, когда обычное трезвучие, едва заметно изменяясь, переходит чуть ли не в пьесу Шумана. Но повторение шумановских фрагментов прореживается долгими паузами, а когда слушатель почти теряет им счет, все неожиданно заканчивается — тоже на паузе. Возникает такая ассоциация: Шуман уже не автор, он растворился в паузе. Значит, сочинение, опус, кончается после себя самого, а это и есть *opus posth*.

— Видимо, использование классических мелодических блоков для построения вашей музыки и дало основание критикам называть вас «максимальным минималистом». Но мне представляется, что ваш максимализм много шире. Попробуем проверить это. Какое человеческое качество вы считаете главным?

ТТ: Верность и честность. Когда за спиной у тебя есть человек, в котором ты уверен, на которого можешь положиться.

ВМ: Способность понимания. Мне кажется, что в наше время она очень невисока в обществе. Человек вообще — только проводник. Мне чужда мысль о какой-то необыкновенной гениальности индивидуума. Человек только ретранслятор, но важно, что он проводит. И если он «в духе», то будет услышан.

Беседовала
Елена КВАСКОВА

ДОСЬЕ «ВК»

Владимир Мартынов — парадоксальная фигура в современной музыке. Это композитор, стремящийся создать «некомпозиторскую» музыку, вернувшись назад — к истокам фольклора, мифа, религиозного и обрядового пения, но на новом уровне, в контексте сегодняшнего дня. Он написал четыре философско-культуроведческие книги, последняя из которых — «Конец времени композиторов».

Мартынов полагает, что цель музыканта сегодня — не сочинение музыки, а соподчинение, согласование уже готовых существующих музыкальных моделей. Если для Шнитке «вне автора никакой музыкальной истины нет», то для Мартынова «истинная музыка существует вне автора». ■